

За границами времени и пространства

В Москве прошла серия концертов,
посвященных 85-летию классика американской
музыки Джорджа Крама

Марианна ВЫСОЦКАЯ

Джеймс Фриман ▲

Станислав Малышев, ▼
Ольга Галочкина,
Джеймс Фриман и
Андрей Винницкий

Загадочный, «нематериальный», мистический – эти эпитеты давно стали характеристиками музыкального языка Джорджа Крама, одного из самых ярких новаторов XX века. Таким «университетский авангардист» предстал перед слушателями и в авторском концерте 7 декабря, состоявшемся в Рахманиновском зале Московской консерватории и открытом приветственной речью министра-советника по вопросам печати и культуры Посольства США в России Джеффри Секстона. Юбилейный проект завершил мини-фестиваль, в котором, помимо музыки самого мэтра, прозвучали сочинения учеников и коллег – Джея Риза, Джеймса Примоша и Эндрю Рудина («Музыка профессоров Университета Пенсильвании», Московская консерватория, Зал имени Н. Я. Мясковского), а также композиторов, оказавших наиболее ощутимое влияние на его творчество, – Клода Дебюсси, Александра Скрябина, Белы Бартока («Кумиры Джорджа Крама», Мемориальный музей имени А. Н. Скрябина).

К сожалению, солидный возраст юбиляра не позволил ему лично присутствовать на московских концертах, как это бывало прежде – в 1993, 1994 и 1997 годах. Однако, благодаря организаторам фестиваля и прежде всего профессору Московской консерватории Светлане Сигиде, опыт виртуального общения с композитором всё же состоялся: музыкальную программу украсила демонстрация фрагмента видеофильма, снятого во время одного из визитов Крама. Кадры кинохроники запечатлели и участников нынешнего концерта – пианиста, дирижера, художественного руководителя «Оркестра 2001» Джеймса Дугласа Фримана и певицу Барбару Энн Мартин Грин, исполнителей, которым принадлежат авторизованные интерпретации многих сочинений американского классика.

Изобретательный мистификатор, поэт метафор и ассоциаций, Крам-композитор в очередной раз удивил метаморфозами стиля. В концерте прозвучали камерные сочинения разных лет, включая и самый первый его опыт в области вокального жанра – Три ранние песни для голоса и фортепиано на стихи Р. Саути и С. Тисдейл (1947). В этом цикле для искушенного фаната крамовской «расширенной» техники исполнительства необычным было буквально всё, начиная с традиционного типа вокализации, конвенциональной (клавишной) фортепианной игры и заканчивая многочисленными аллюзиями на русскую музыку – романсы С. Рахманинова, раннюю лирику модерни-

У А М стов А. Лурье и Н. Рославца. За атрибутами «умеренно-романтического» композиционного письма – ясной функциональностью, мерцанием красочных тональных сопоставлений, четким разделением фактурных функций – едва ли угадывался будущий смелый экспериментатор и мастер «иллюзорных» звучностей. Гораздо более узнаваемым авторский почерк Крама явил себя в элегической песне «Молчаливая ночь под звездным небом» из цикла «Видение» на текст поэмы У. Уитмена (1979). Сопрано и фортепиано – две сущности единого целого – разыграли здесь драму притяжения/отталкивания, в ходе которой «дуэт согласия» постепенно трансформировался в диалог противоборствующих сторон. Человеческий голос, истончившийся до дыхания и беззвучного произнесения слов, постепенно поглотился бурлящим «океаном» – сонорной звучностью усиленного рояля (extended piano), реализованной в густой педализации и целом спектре разнообразных приемов игры по струнам.

Крамовские «фирменные знаки» зрелого периода творчества – невесомость флажолетной игры,

изысканность тембровых контрапунктов, смысловую значимость измеренных пауз – в изобилии продемонстрировали ансамблевые композиции. Здесь к американским музыкантам присоединились солисты ансамбля «Студия новой музыки» Московской консерватории Станислав Малышев (скрипка), Ольга Галочкина (виолончель), Мария Алиханова (флейта), Андрей Винницкий (ударные), Алексей Потапов (банджо), а также Сергей Чирков – прикасаясь к влажным краям бокалов, до разных уровней наполненных водой, он виртуозно исполнил партию стеклянной гармоники. Ее нежное и таинственное «пение» за сценой составило «изюминку» пьесы «Последовательность сновидений» (1976), записанной Крамом в необычной круговой нотации, согласно которой скрипка и виолончель в свободной форме играют три комплекса секвенций, а фортепиано и ударные деликатно встраиваются в образующиеся «лакуны». Ассоциируясь с цепью ускользающих невнятных сновидений, «дрейф» бесконечно варьируемой мелодии постепенно вовлек в свою орбиту и самих музыкантов, по очереди и подчеркнута театрально скрывшихся за кулисами.

В жанре почитаемого Крамом инструментального театра решена и «Ночь четырех лун» (1969) – один из наиболее исполняемых ансамблевых циклов композитора, в свое время явившийся откликом на первый полет американских астронавтов на Луну. Чувственной и томной атмосфере текста Федерико Гарсиа Лорки резонировали «экзотическая» тембрика (тибетские молитвенные камни, мбира) и палитра нетрадиционных исполнительских приемов – шепот в отверстие флейты, звуки дыхания и языковое цоканье, четвертитоновые трели виолончели, глissандо плектром по струнам банджо (техника bottle neck). Музыкально-визуальный ряд последних страниц пьесы воплотил идею одиночества человека во вселенной: подобно возвращающимся на Землю астронавтам, музыканты покинули сцену, в освещенном пространстве которой осталась лишь исполнительница-виолончелистка (О. Галочкина), безучастно извлекающая высокие флажолетные звучания – космическую Musica Mundana. С эффектом периодически прерываемой далекой радиотрансляции из-за сцены донесли обрывки тональной «малеровской» музыки – как отголосок Musica Humana в безбрежном вакууме космоса.

Публика, не слишком многочисленная, но зато и не случайная, оценила непринужденную, теплую атмосферу концерта, в котором официальные приветствия сменялись воспоминаниями, а видеосюжеты – звуками музыки. И эта своеобразная концертная «синестезия» гармонировала с самим духом искусства Джорджа Крама, чудесным образом возникающего на пересечении «со-ощущений» и «сопредставлений», вне истории и политики, за пределами границ времени и пространства.

Фото Федора Софронова предоставлены «Студией новой музыки»

▲ Барбара Грин

◀ Джеффри Секстон, Светлана Сигида, Барбара Грин